

«КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ» № 6, 6 февраля 1987 г.

ДОРОГИ В МИХАЙЛОВСКОЕ

Рассказывает директор Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина,
Герой Социалистического Труда Семен Степанович ГЕЙЧЕНКО

Больше сорока лет я живу в Михайловском. Мимо окон моего дома за эти годы прошли миллионы людей со всего света... Магическим действием обладает эта земля, где жил и творил Пушкин! Здесь каждый находит для себя своеобразные рецепты радости бытия, полноты жизни. Здесь ключ к пониманию того, почему из года в год растет паломничество в эти святые места, почему увеличивается армия людей, которых мы зовем доброхотами.

Они приезжают сюда и для того, чтобы увидеть места, воспеты Пушкиным, вещи, окружавшие поэта, и для того, чтобы поработать для Пушкина. Среди посетителей немало рабочих, учителей, ученых, инженеров, студентов, школьников. Одни проводят у нас свой отпуск, другие приезжают — кто на неделю, кто на две — помочь навести порядок в парках, рощах, садах, городищах и селищах заповедника.

Особенно много школьников в период летних каникул. Ребята едут отовсюду — с Украины и Кавказа, из Белоруссии, Москвы и Ленинграда, Пскова... Гостями Пушкинских Гор, друзьями заповедника делается много полезного — очищаются от зарослей тысячи квадратных метров охранной зоны, берега Сороти, собираются и сжигаются сучья - паданцы в Тригорском, Михайловском, Петровском. Восстановлено место, где при Пушкине трудилась водяная мельница, где он часто бывал и где задумал свою «Русалку». Воссозданы заново садовые пушкинские беседки в Михайловском. Очищенный ими, вновь засиял белый мрамор балюстрады и обелиска на могиле Пушкина в Святогорском монастыре-музее... Что говорить! Без тысяч и тысяч добровольных помощников, без их удивительной любви к Пушкину не смогли бы наши музейные и парковые хранители, смотрители, садовники, лесники, уборщицы, ремонтеры

и реставраторы содержать Пушкиногорье во всей его красоте, благопристойности и чистоте.

Просто-таки не упомяну года, когда бы в парках Михайловского не находили мину, снаряд или фашистский патрон. Я собирал большую коробку «сувениров» войны. Они не только для меня, бывшего фронтовика, важны как вещественная память о грозном времени: когда дарю их посетителям заповедника, то гляжу в их глаза — волнуется ли тебя прошлое или тебе на все наплевать? И что-то не припомню случая, когда бы мой «подарок» вызвал на чьем-то юном лице брезгливую гримаску... Не скрою, это меня радует.

В канун 40-летия Победы на одну из встреч ветеранов я принес фронтовую листовку 1944 года. Вот что в ней напечатано: «Воины нашего соединения! В своем стремительном наступлении, освобождая от немецко-фашистских захватчиков все новые и новые районы, громя ненавистного врага, уничтожая его и продвигаясь все дальше на Запад, мы теперь дошли до мест, особенно дорогих сердцу каждого советского человека... Продолжим наше святое солдатское дело здесь, в местах, овеянных гением великого поэта. Отостим немецко-фашистским варварам, надругавшимся над памятью Пушкина! Гитлеровцы устроили по берегам Сороти укрепленную линию «Пантера». В священных лесах спилили 40 тысяч сосен. Построили 200 бункеров и блиндажей. Дом - музей поэта сожгли. «Домик няни» разобрали. Осквернили могилу Пушкина: площадку вокруг нее завалили мусором, взорвали часть монастырской стены. Фугас из мин и десяти авиабомб по 120 килограммов каждая, заложенный у подножия могилы в специально прорытом туннеле и тщательно замаскированном, взорвать не успели: помешало стремительное наступление Красной Армии.

Когда я по предписанию

Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР в 1945 году приехал в Михайловское, все вокруг было прах и тлен... Мы с женой, как и другие сотрудники возрождавшегося музея, жили в первое время в траншее. У нас не было самого необходимого. Держались на одном энтузиазме. Теперь кажется чудом, как мы в тех условиях устояли. Кому он нужен был в послевоенное голодное и разоренное время, музей?! Оказалось, нужен. Пушкин всегда нужен. И особенно тогда, когда людям трудно.

Меня называют пушкинистом. Что ж, я не возражаю. Я действительно когда-то был научным сотрудником Пушкинского Дома Академии наук СССР. Но здесь занимаюсь я «своим» Пушкиным. Занимаюсь не тем, где и почему он поставил запятую или двоеточие, я изучаю то, что он видел. Для меня «пушкинское окружение» — это его кабинет с любимыми книгами и портретами Жуковского и Байрона, который он воспел в знаменитой 4-й главе «Евгения Онегина»; и флигелек няни Арины Родионовны; и шум ветвей двухсотлетних деревьев, посаженных еще дедом поэта О. А. Ганнибалом в Еловой аллее; и сирень, заглядывающая в окна; и мостик через Сороту; и многое-многое другое, что шумело и росло при Пушкине и продолжает свою жизнь в наши дни.

Вещи — свидетели минувшего. Неодушевленных предметов нет. Есть неодушевленные люди. Без всего того, что окружало Александра Сергеевича, без природы пушкинских мест нельзя понять до конца его жизнь и творчество. Пушкин любил эту землю. Выбегал из дому, часто на босу ногу, в одной рубашке, бродил по лесу без куртки и не только когда было тихо и жарко, — в ветер и в дождь... Он видел, что в природе все безгранично и вечно.

...Передо мной в Михайловском прошло великое мно-

жество людей — разных возрастов, профессий, взглядов. И всем им нужен Пушкин. Все хотят увидеть то, что видел он, — из окна ли своего кабинета, или стоя на крыльце, или прогуливаясь по окрестным лесам. И вот я говорю им: «У этого окна любил сидеть Пушкин». Или: «На этой скамье часто сидел Пушкин» — и всем им вдруг начинает казаться, что они и в самом деле видят в окне профиль поэта, видят встречу с Анной Петровной Керн на аллее, которую молва нарекла ее именем, видят небо, какое было при Пушкине, и проплывающее в синеве облако, которое он провожал взглядом... Кто же сотворил это чудо? Ну, конечно, не мы, работники заповедника. Виновник этого чуда один — ПУШКИН!

Хотя стоят морозы, но у нас сейчас горячая пора. Идут последние приготовления к Дням памяти А. С. Пушкина. Закончили реставрацию Успенского собора Святогорского монастыря. Недавно мне удалось отыскать копию чудотворной иконы Святогорской богородицы, той, которая привлекала внимание Пушкина, любившего участвовать в народном действе, «уплытия ее на святой ладье в Псков». Готовятся совместно с псковскими писателями и ленинградскими учеными встречи и литературные вечера.

10 февраля в 2 часа 45 минут пополудни, в час, когда Россия потеряла своего гениального сына, мы соберемся у могилы Александра Сергеевича Пушкина возле стен Святогорского монастыря... Уверен, придут не только сотрудники музея-заповедника, но и жители окрестных сел, и паломники, прибывшие из разных мест СССР. Нас будет немало. Мысленно с нами рядом будут стоять, обнажив в этот скорбно-торжественный час головы, друзья Пушкина, которым сегодня несть числа. Они будут повторять беззвучно его прекрасные строки...

Двухсотлетние деревья Еловой аллеи, посаженные еще дедом поэта О. А. Ганнибалом.

Кабинет владельца Михайловского, описанный им в 4-й главе «Евгения Онегина».

Святогорский монастырь. Сюда сто пятьдесят лет назад привезли на санях тело убитого на дуэли поэта. Могилу его — национальную святыню — посещают каждый год тысячи людей со всего света.